

3. Малова И.Е. Проблемы освоения личностно ориентированного обучения учащимися и пути их разрешения // Образование и общество, 2003. № 4.

К. КУДИЕНКО

И.А. ИЛЬИН О СВОБОДЕ

Что значит быть свободным? Свобода от чего и ради чего? Эти, да и многие другие, вопросы волновали выдающегося русского философа И.А. Ильина (1883-1954 гг.), так же сильно, как и каждого человека, а может быть и еще сильнее. И.А. Ильин выделял внешнюю свободу, внутреннее освобождение и политическую свободу.

Внешняя свобода. Это свобода веры, воззрений и убеждений, в которую другие люди не имеют права вторгаться с насильственными предписаниями и запрещениями. Духовная любовь, вера в Бога и личные убеждения не создаются приказами и запретами. На давление «извне» внутреннее ядро человека отвечает обычно сопротивлением и возмущением, ожесточением, упрямством и ненавистью.

Запрет и принуждение, угроза и страх могут вынудить у человека только лицемерную «любовь» и лицемерную «веру»; а эти вынужденные, показные, неискренние проявления скрывают за собою или прямое лукавство, или же испуганное, мертвеющее сердце; и все усилия, и нажимы со стороны другого человека достигают только того, что истинная любовь и истинная вера гибнут или совсем не возникают в человеческой душе: в ней всё становится искусственным, натянутым, раздвоенным, фальшивым и потому – бессильным и кощунственным, ибо священное требует искренности и Божественное не терпит расчетливого притворства или лицемерия...

Если человек принимает внутреннее решение – принудить самого себя усилием воли к «любви» и «вере», то есть заставить себя насильственно разлюбить любимое и полюбить нелюбимое или разувериться в том, во что он верит, и поверить в то, во что ему не верится. Это не удастся ему! Можно даже решиться на такой опыт: не любя, притвориться любящим и действовать из притворной любви и, не веруя, симулировать веру и подражать во всём верующим, – все это в тщетной надежде, что, может быть, когда-нибудь потом, вследствие такого притворства и таких неискренних усилий, любовь и вера присоединятся к этим «упражнениям».

Никогда еще ни одному человеку не удалось и ни одному не удастся полюбить на основании приказа или искоренить в себе веру на основании запрета. И если любовь возникает после приказа, то она возникает не по приказу, а вопреки ему и независимо от него, то есть любовь приходит сама, а приказу не удастся помешать ей и сделать ее невозможной. И если вера исчезает после запрета, то она исчезает не на основании его, а на основании других душевных переживаний, а может быть вследствие того, что она была мнимая и что на самом деле ее вовсе не было.

Был прав Шопенгауэр, когда он говорил: «Вера подобна любви, её нельзя вынудить. И потому это рискованная затея – пытаться ввести её при помощи государственных мероприятий»...

Без внешней свободы человеческая жизнь не имеет ни смысла, ни достоинства, а это самое главное.

Веровать и молиться, любить и творить можно только самому, по доброй воле, искренно, из глубины. Нельзя любить, творить и молиться по приказу и не делать этого по запрету. Любовь, вера, молитва по приказу не нужна, замечает И.А. Ильин, ни Богу, ни себе, ни людям. Отсюда – свобода верования, исповедания и любви. Любовь не загорается по повелению и не угасает по предписанию. Что стоит жизнь без творчества, творчество без вдохновения, вдохновение без свободы? Отсюда – свобода духовного творчества. Эти слова должен знать и понимать каждый человек. Они не должны быть навязчивыми и «серыми»; значение этих слов должно понимать сердце, слова должны идти из глубины души. Разговоры о вере, любви, молитве не должны просто и легко слетать с губ; слова должны быть «высечены» на сердце настоящего человека.

Свобода есть воздух, которым дышит вера и молитва. Свобода есть способ жизни, присущий любви. Отвергать это может лишь тот, кто никогда не веровал, не молился, не любил и не творил.

Внутреннее освобождение обращает свои требования не к другим людям, а к самому человеку.

Тело человека несвободно. Оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей – то огромных, как животные и люди, то мельчайших, как пылинки, бактерии.

Несвободна и душа человека. Но духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя и преодолеть в себе то, что отвергается; дух имеет силу и власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни.

Помочь человеку в его внутреннем освобождении и в установлении его духовной самостоятельности может, прежде всего, духовное общение с другими людьми.

Политическая свобода есть нечто драгоценное и ответственное, так как за ней живёт и действует духовная, внутренняя свобода.

Политическая свобода по силам только тому, кто или завершил свое освобождение, или кто находится в процессе внутренней борьбы за него, понимая его драгоценность, обязательность и ответственность. Человек и народ, чуждые этому сознанию и не вовлеченные в этот внутренний процесс, извратят свою политическую свободу, а может быть, погубят и себя вместе с нею.

Эти разновидности свободы взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг с другом. Человек не может жить без какого-либо «вида» свободы, иначе это будет простое существование, а не настоящая жизнь. Жизнь без свободы – уже «неполноценная» жизнь.

«Без свободы – гаснет дух; без духа – вырождается и гибнет свобода!», – эти слова Ивана Александровича Ильина должен помнить каждый настоящий свободный человек!

И.А. ВИСЛОГУЗОВ

ИЛЬИН И.А. О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Для нас, ныне живущих, вопрос о добре и зле очень важен. Позиция И.А. Ильина (1883-1954) в данном вопросе является поучительной и просветляющей юные души.

Проблему сопротивления злу невозможно поставить правильно, не определив сначала «местонахождение» и сущность зла. Так, прежде всего, «зло», о сопротивлении которому здесь идет речь, есть зло не внешнее, а *внутреннее*. Как бы ни были велики и стихийны внешние, вещественные разрушения и уничтожения, они не составляют зла: ни астральные катастрофы, ни гибнущие от землетрясения и урагана города, ни высыхающие от засухи посевы, ни затопляемые поселения, ни горящие леса. Как бы ни страдал от них человек, какие бы печальные последствия они не влекли за собою, материальная природа, как таковая, даже в самых с виду нецелесообразных проявлениях своих не становится от этого ни доброю, ни злою. Самое применение идеи зла к этим явлениям осталось в наследство от той эпохи, когда все одушевляющее человеческое воображение усматривало живого душевно-духовного деятеля за каждым явлением природы и приписывало всякий вред какому-нибудь зложелательному вредителю. Правда, стихийные естественные бедствия могут развязать зло в человеческих душах, ибо слабые люди с трудом выносят опасность гибели, быстро деморализуются и предаются самым постыдным влечениям; однако люди, сильные духом, отвечают на внешние бедствия обратным процессом – духовным очищением и укреплением в добре, о чем достаточно свидетельствуют хотя бы дошедшие до нас исторические описания великой европейской чумы. Понятно, что внешне-материальный процесс, пробуждающий в одних душах божественные силы и развязывающий в других Дявола, не является *сам по себе* ни добром, ни злом.

Зло начинается там, где начинается *человек*, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях, *как таковых*, а человеческий *душевно-духовный* мир – это истинное местонахождение добра и зла. Никакое внешнее состояние человеческого тела само по себе, никакой внешний «поступок» человека сам по себе, т.е. взятый и обсуждаемый отдельно, отрешенно от скрытого за ним или породившего его душевно-духовного состояния, не может быть ни добрым, ни злым.

Так, телесное страдание может повести одного человека к беспредметной злобе и животному огрубению, а другого – к очищающей любви и духовной прозорливости; и понятно, что, став для первого возбудителем зла, а для второго – побудителем добра, оно само по себе не